

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 9–16
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 9–16
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-9-16>, EDN: KZLBPJ

Научная статья
УДК [94+[329.61:323.272]](470-13)|1885/1886|+9290ржик

Боевое снаряжение Южнорусской организации «Народной воли» в 1885–1886 годы

Т. С. Морозов

Сургутский государственный педагогический университет», Россия, 628417, Ханты-Мансийский автономный округ, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2

Морозов Тимофей Сергеевич, аспирант кафедры социально-гуманитарного образования, timowulf@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3847-4132>, AuthorID: 1197774

Аннотация. В течение 1885 г. Южнорусская организация «Народной воли» под руководством Б. Д. Оржиха создала собственный запас бомб и обеспечила их хранение. Эти бомбы предназначались для деморализации самодержавного правительства. В силу объективных обстоятельств, вызванных необходимостью укрепления ослабленной партии, южане не успели приступить к полной реализации своих планов по применению бомб. В реальности работа сконцентрировалась на консолидации сил и обширной пропагандистской деятельности вплоть до постепенной ликвидации группы в течение 1886–1887 гг. Таким образом, в группе Б. Д. Оржиха действительно существовали только программы, планы и бомбы, но не террор как таковой, вследствие чего уместно изучать эти составляющие сами по себе. В данной статье будет рассмотрена история создания, хранения и уничтожения бомб Южнорусской организации и связанные с этим события в период 1885–1886 гг.

Ключевые слова: революционное движение, народничество, политическая борьба, Южнорусская организация «Народной воли», Б. Д. Оржих

Для цитирования: Морозов Т. С. Боевое снаряжение Южнорусской организации «Народной воли» в 1885–1886 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 9–16. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-9-16>, EDN: KZLBPJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Combat equipment of the South Russian Organization of “People’s Will” in 1885–1886

T. S. Morozov

Surgut State Pedagogical University, 10/2 50 years of the Komsomol St., Surgut 628417, Russia

Timofey S. Morozov, timowulf@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3847-4132>, AuthorID: 1197774

Abstract. During 1885, the South Russian organization of “People’s Will” by the leadership of B. D. Orzhikh created its own bombs set and provided their storage. These bombs were create for demoralization of the tsarist government. Because of objective reasons caused by recovery of weakened party, the southern revolutionaries did not have time to start the full realization of their plans about bombs using. In reality, the main work focused on the consolidation of revolutionary forces and propaganda activities until the liquidation of the group during 1886–1887. The group of B. D. Orzhikh really had only programs, plans and bombs, but not a terror as such; as a result, it is appropriate to study these components separately. This article will examine the history of the creation, storage and destruction of bombs of the South Russian organization in the period 1885–1886.

Keywords: revolutionary movement, narodничество, political struggle, South Russian Organization of “People’s Will”, B. D. Orzhikh

For citation: Morozov T. S. Combat equipment of the South Russian Organization of “People’s Will” in 1885–1886. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 9–16 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-1-9-16>, EDN: KZLBPJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Южнорусская организация – это объединение народовольцев Юга России, оставшихся на свободе после массовых арестов в связи с задержанием Г. А. Лопатина в октябре 1884 г. Инициатива по консолидации сил принадлежала

Б. Д. Оржиху. В течение 1885–1887 гг. вновь собранные группы Юга (Харьков, Одесса, Таганрог, Новочеркасск, Екатеринослав и другие центры) возобновили планомерное противостояние царскому режиму. Как сторонники про-

граммы партии «Народной воли» южнорусские революционеры стремились к ликвидации самодержавного строя и установлению народного представительства. Достичь этой цели предполагалось через революцию, которая являлась итогом реализации важных направлений деятельности: организационной работы среди сторонников «Народной воли», масштабной пропагандистской активности в массах и террористической борьбы против правительства.

Последний метод обладал принципиальным значением в арсенале средств народовольцев. Согласно «Программе Исполнительного комитета» партии «Народная воля» (1879 г.) «деятельность разрушительная и террористическая» служила лишь одним из направлений, в одинаковой степени предназначенных для свержения деспотической власти [1, с. 50–51]. Однако действительность, как на это обратил внимание О. В. Будницкий, подтолкнула поздних народовольцев склониться к принятию террора в трактовке «Террористической борьбы» за авторством Н. А. Морозова (1880 г.). Террор оказался самым оптимальным методом, способным нанести сильные удары по слабым местам царского правительства, несмотря на гипотетические риски и страх перед чрезмерным поглощением наличных сил. Как следствие, к середине 1880-х гг. террор прочно вошел в арсенал методов народовольцев, невзирая на его разрушительность, направленную в обе стороны [2, с. 75–76, 79–80; 3, с. 20–23]. Исключительность террора обозначается в «Подготовительной работе партии» («Народная воля», 1880 г.), где отражено его понимание как инструмента не только самозащиты, но и уверенной атаки, направленной на деморализацию царизма («столпов современного правительства») [1, с. 305–306].

В современной историографии явление террора в Южнорусской организации широко не освещалось, несмотря на его особое место в программе и тактике «Народной воли». Более того, применительно к группе Б. Д. Оржиха не будет однозначно верным рассуждать о полноценном терроре: южане обладали собственными бомбами и планами по их применению, но не успели совершить ни одной силовой акции. В этой связи более уместно оценивать то, что существовало в действительности – программно-тактические построения и вопросы, касающиеся уже сформированного запаса снарядов. Из указанных двух направлений целью данной статьи будет выбрана характеристика истории создания, хранения и ликвидации бомб Южнорусской организации, так как взгляды южан на теоретические основы террора не отличались от общепринятых в «Народной воле» (этот аспект будет проанализирован в ограниченных пределах). Нехватка современных исследований, многообразие источников и одновременно их разрозненность, необходимость

упорядочения фактов, дополнительные сведения из архивных материалов, а также уникальное значение террора в перечне средств «Народной воли» обуславливают актуальность темы.

Изучению проблемы боевого снаряжения группы Б. Д. Оржиха главным образом способствуют материалы, изданные до 1934 г., в частности статьи С. Н. Валка [4], Р. М. Кантора [5] и Г. С. Новополина [6], основанные на информации, доступной в 1920–1930-х гг. Источником уникальных сведений о бомбах являются воспоминания самих южан – В. Г. Богораз-Тана [7, 8], А. А. Кулакова [9, 10], Б. Д. Оржиха [11] и М. М. Полякова [12]. Недосказанность компенсируют материалы архивных фондов Департамента полиции и Особого присутствия Правительствующего Сената, в документах которых содержатся разнообразные факты о деятельности группы Оржиха [13–16].

Таким образом, взгляды на террор в группе Б. Д. Оржиха отражались в программных установках, сформулированных в ходе съезда 15 сентября 1885 г. в Екатеринославе. По ходу мероприятия южнорусские революционеры рассмотрели и приняли две программные брошюры, затрагивавшие проблемы террора («Борьба общественных сил в России» и «Политический террор в России»), и поддержали его необходимость в целом. В отношении террора данные брошюры полностью повторяют идеи упомянутых общепартийных документов [1, с. 50–51, 305–306; 3, с. 20–23; 11, с. 126; 17, с. 66–75; 18, с. 572–575, 578–579, 581–587]. Кроме того, южане учитывали опыт своих предшественников из центральной народовольческой организации под руководством Г. А. Лопатина, где политический террор выдвигался на первый план по эффективности в борьбе с царизмом, а его фабричное и аграрное направления полностью отрицались [2, с. 80; 6, с. 44–45].

Ожидаемый итог применения террора для южан – подъем духа революционного лагеря и возможное начало на этом фоне широкого восстания, осознанный успех которого наиболее реален при совпадении ряда условий. В их числе: одновременное выступление народных масс по всей стране, активная помощь революционной интеллигенции во всех слоях общества и в лучшем случае безучастность армии [17, с. 48–49, 66–72; 18, с. 579, 585–586]. Учитывая данные факторы, южане осознавали, что террор никогда не замещал всех прочих видов деятельности, не мог самостоятельно привести к перевороту, заменить пропаганду или переформатировать общество после революции – для подлинного успеха все доступные методы борьбы должны комбинироваться и дополнять друг друга. Также террору должна предшествовать организационная и пропагандистская подготовка в целях укрепления ослабленной «Народной воли»

на Юге России. Тем не менее, как и Н. А. Морозов, южане пришли к выводу о том, что при имеющейся слабости массового движения и в заведомо неравных условиях террор являлся именно тем методом, который мог позволить эффективно противостоять давлению царского правительства [11, с. 126; 14, л. 14–15; 17, с. 73–74; 18, с. 585].

В свою очередь, запас бомб Южнорусской организации, требуемый для реализации идеи террора, был создан задолго до съезда в Екатеринославе, в ходе которого группа смогла прийти к взвешенному пониманию актуальной расстановки сил в регионе. Это связано с тем, что молодые южнорусские народовольцы слабо представляли, как им возобновить борьбу, поэтому они стремились использовать любую возможность. По совпадению первой из них стала добыча динамита.

В начале зимы 1885 г. Л. Ясевич, авторитетный народоволец и умелый техник, отправился в Луганск для приобретения расходных материалов к собственным бомбам Южнорусской организации [5, с. 94–95]. Поездка была обусловлена возросшим риском потери локальной ресурсной базы: ранее город являлся опорным пунктом лопатинской организации по сборке взрывных снарядов, чему способствовали контакты с местными шахтерами и близость к артиллерийским складам. За лето 1884 г. лопатинцы провели серию испытаний и успели сконструировать 4 готовые к применению бомбы. Арест Г. А. Лопатина в октябре 1884 г. вызвал распад не только народовольческой организации под его руководством, но и луганской группы, занимавшейся созданием снарядов. Две бомбы найдены непосредственно при Лопатине, оставшиеся удалось скрыть и незаметно уничтожить [6, с. 45–46; 13, л. 13 об.–14 об.].

К началу 1885 г. после массовых арестов на свободе оставался В. И. Кирсанов – один из конструкторов лопатинских бомб. Он успел снабдить прибывшего в город Л. Ясевича динамитом и прочими материалами (впоследствии, в мае 1885 г., Кирсанов был арестован по вине предателя И. Гейера). Отдельно куплены жестяные коробки, послужившие корпусом для бомб. После этого Ясевич отправился в Новочеркасск и, укрывшись в конспиративной квартире, приступил к сборке снарядов. Б. Д. Оржих с пониманием встретил инициативу Ясевича, так как он обладал нужными техническими компетенциями и хотел послужить общему делу [11, с. 90, 95].

К марту 1885 г. удалось собрать 11 бомб и подготовить к ним запалы. На работу ушло приблизительно три недели [11, с. 95–97]. Конструкция южнорусских бомб была аналогична применявшимся 1 марта 1881 г., но при этом признавалась жандармскими полевыми экспертами более совершенной. Спустя почти 50 лет чертеж

такого снаряда смог по памяти зарисовать пожилой Б. Д. Оржих. Семь из них имели круглую (цилиндрическую) форму, оставшиеся четыре – четырехугольную (призматическую) [5, с. 48–49; 11, с. 96; 13, л. 10 об.–11; 14, л. 13–13 об.; 15, л. 139; 19, л. 17]. Как выразился В. Богораз, «для пушечного пику» эти бомбы умышленно нумеровались не с цифры 1. В будущем это вызовет у жандармов проблемы и выразится в тщетных попытках найти недостающие снаряды, которых никогда не существовало. Известно, что одна из обнаруженных партий была пронумерована, начиная с № 7 [7, с. 109; 8, с. 499; 13, л. 10].

Наличие бомб и одновременно длительный отказ от их применения создали ситуацию, когда некоторые южане начали сомневаться в том, являются ли эти бомбы настоящими или всего лишь муляжом [7, с. 109]. Однако жандармские испытания доказали их высокую разрушительную силу. Радиус поражения снаряда – не менее 2 сажень (около 4 м). Динамит из-под 4-х бомб, взорванный в море на малой глубине, вызвал поднятие столба воды в 15 сажень (примерно 27 м), на дне образовалась воронка 3/4 аршина в глубину и 1 аршин в диаметре (около 1 м). Подорванная на суше связка из других 4-х бомб смогла целиком раздробить большое дерево [11, с. 104–105, 119; 13, л. 11; 14, л. 13; 16, л. 6].

Полученный запас бомб нуждался в хранении. По завершении работы Л. Ясевич передал снаряды Е. И. Петровскому, местному народовольцу, который в будущем окажет значительную помощь в деле открытия типографии южан в Новочеркасске летом 1885 г. [9, с. 141; 11, с. 96–97, 105; 13, л. 13, 16; 14, л. 13; 16, л. 3–3 об.]. Примерно в это же время Ясевича посетил А. Остроумов, прибывший из Ростова-на-Дону. В Остроумове ничего не выдавало будущего предателя, поэтому Ясевич без подозрений поделился, что «Народная воля» смогла получить в свое распоряжение определенный запас бомб. В случае, если представитель партии явится за информацией о снарядах, Остроумов обязан был перенаправить это лицо к Ефиму Петровскому (Остроумов и Петровский при посредничестве Ясевича познакомились весной 1884 г.) [9, с. 141–142; 11, с. 98; 16, л. 1 об.]. Этот набор бомб впоследствии будет разделен на три партии, каждая из которых имела свою длинную историю: харьковская (4 бомбы), таганрогская (4 бомбы) и новочеркасская (3 бомбы).

В дореволюционной и ранней советской историографии можно встретить утверждения о том, что Южнорусская организация получила свои бомбы в наследство от группы Лопатина [5, с. 44; 6, с. 45; 7, с. 108–109; 8, с. 499–500]. С одной стороны, бомбы южан действительно созданы бывшим лопатинцем Л. Ясевичем, в том числе на основе луганских ресурсов. Вместе с тем следует принять во внимание, что эти снаряды собраны гораздо позже осенних

арестов 1884 г. Б. Д. Оржих в данный период активно занимался объединением разрозненных народовольческих сил Юга, и Л. Ясевич успел вступить в состав новой строящейся организации. Впоследствии Оржих лично распоряжался вопросами хранения и целеполагания относительно бомб. Можно уверенно констатировать, что южане обладали собственным и ни у кого не заимствованным набором боевого снаряжения.

Харьковская серия бомб. Перед Пасхой 1885 г. в Ростов-на-Дону к А. Остроумову прибыл неизвестный ему народоволец, который представился Анатолием (Б. Д. Оржих), и назвал пароль от Л. Ясевича. Вместе они отправились в Новочеркасск к Е. Петровскому, который передал Анатолию 4 снаряда, пронумерованных как № 7–10, в том числе отдельно запалы. На третий день оба вернулись в Ростов-на-Дону. Анатолий при помощи Остроумова закупил оружие (два револьвера, кавказские кинжалы и потайные фонари), после чего отправился с добытым снаряжением в Харьков [4, с. 106; 5, с. 49–50; 9, с. 141; 11, с. 97–99, 118; 14, л. 13; 13, л. 10, 13 об., 16; 16, л. 1 об.–2, 3 об., 10].

Поездке предшествовало получение информации о том, что в Крым направляется на отдых министр внутренних дел Д. А. Толстой. Оржих узнал об этом в начале весны 1885 г., когда занимался решением различных организационных вопросов. Это могло стать удачной возможностью для применения новых бомб. Было принято решение транспортировать их часть из Новочеркасска в Харьков, где пролегали железнодорожные пути с севера страны. Оржих намеренно не оповестил никого из товарищей о настоящих причинах этого мероприятия, в свою очередь, никто не задавал вопросов. Он прокомментировал решение следующим образом: «По инстинкту и опыту моей юной революционной жизни я знал, что самый опасный враг всякого серьезного предприятия – это болтовня» [11, с. 97]. Следует заметить, что это был не единственный случай, когда лидер Южнорусской организации отказался целиком посвящать других народовольцев в свои планы. В этом отношении примечательна история с организацией фиктивного брака А. С. Сигиды и Н. К. Малаксиано, необходимого для постановки второй законспирированной нелегальной типографии, которая должна была перейти под их руководство. В. Г. Богораз, ближайший товарищ и друг Оржиха, был против как чрезмерного количества типографий (в чем он оказался впоследствии прав), так и против вовлечения в революционную борьбу молодежи, находящейся на легальном положении. Богораз узнал о решении постфактум, вследствие чего не успел своевременно повлиять на развитие событий [8, с. 501].

Таким образом, единственным сопартийцем, посвященным в план ликвидации министра внут-

ренних дел, стал П. Л. Антонов, известный как отважный революционер, привыкший к опасным силовым мероприятиям и имевший в этом большой опыт. Оржих познакомился с ним в Севастополе в конце 1884 – начале 1885 г., когда занимался объездом групп Юга, ослабленных после массовых арестов. Личные качества Антонова и Оржиха дополняли друг друга, поэтому они договорились работать вместе [11, с. 95, 97; 13, л. 6–6 об., 8–8 об., 9].

Прибыв в Харьков, Борис Оржих сдал груз на хранение В. П. Бражникову – лидеру местной народовольческой группы. Оружие, фонари и бомбы были доставлены в целости, однако по пути испортился один из запалов. Бомбы перевозились на пассажирском поезде, в это время случайный резкий удар воспламенил запал, из сумки с шипением поднялся белый столб дыма. Оржих верно оценил ситуацию, объяснил испуганным пассажирам произошедшее как случайное возгорание спичек, отправился с сумкой в уборную и быстро избавился от дымящегося запала, оставшегося на железнодорожных путях. Остаток маршрута Оржих ехал более осторожно, но не допускал мысли выбросить опасный багаж. Как впоследствии предположил Ясевич, этот запал мог иметь трещину, которую он не заметил, что стало причиной произвольного возгорания [5, с. 50; 11, с. 98–101; 13, л. 13 об.].

Оржих встретился с Антоновым, оповестил его о приближающемся событии и предложил план ликвидации Д. А. Толстого. Предполагалось, что поезд с министром на борту должен был проехать в Крым через станцию Лозовую – оживленный железнодорожный узел, где по стандартному расписанию северные составы обычно останавливались ночью. Оржих и Антонов, воспользовавшись моментом, попытались убить Толстого при помощи бомб и оружия, добытого в Ростове-на-Дону. Никто не мог сказать, что произойдет после ликвидации, поэтому в дальнейшем народовольцам следовало ориентироваться на развитие событий. После акции им могли помочь скрыться местные железнодорожные рабочие, которых Антонов хорошо знал. Впоследствии, несмотря на соблюдаемый правительством режим секретности, народовольцы выяснили, что министр внутренних дел едет в Ливадию на лечение, будучи недееспособным на фоне обострившегося психического расстройства. По соображениям этики и необходимости сохранения репутации «Народной воли», южане отказались от плана убийства [11, с. 97, 100–101].

Для неиспользованного опасного вооружения требовался тайник. В течение апреля 1885 г. Южнорусская организация установила в Харькове типографию, куда были спрятаны бомбы, ножи и пистолеты. Антонов не получал дальнейших указаний по их применению. Он заведовал типографией вместе с С. А. Лисянским –

бывшим студентом Петербургского университета, осевшим в Харькове. В течение 1–2 мая 1885 г. Антонов и Лисянский были арестованы при помощи сведений, полученных властями от предателя П. Елько. В этой связи жандармы смогли захватить не только революционеров, но и типографию, бомбы, оружие и прочие улики. Четыре харьковских снаряда Южнорусской организации были вывезены за город и ликвидированы [4, с. 115, 117; 5, с. 55; 7, с. 108; 9, с. 141; 11, с. 101–105; 13, л. 6 об., 9 об.–10, 12].

Хитрость южан с нестандартной нумерацией бомб возымела эффект. Жандармы были озадачены: если существуют бомбы под № 7–10, значит, где-то хранятся № 1–6 (в то время как в реальности южане никогда не имели бомб под этими номерами). Выдвигались различные предположения, жандармы теряли ресурс времени. Ситуация осложнялась тем, что ранее из четырех лопатинских бомб, созданных летом 1884 г., на момент ареста Антонова и Лисянского было обнаружено лишь две. Не знали жандармы и о том, что новая южная организация обладает собственными бомбами, не относящимися к лопатинским. Не вызывали сомнений и те факты, что все эти бомбы, независимо от принадлежности, имели отношение к Луганску и что в той или иной мере был задействован Леон Ясевич. Через полгода жандармы смогли получить ответы из предательских показаний А. Остроумова, арестованного в сентябре 1885 г. Власти узнали о судьбе двух недостающих лопатинских бомб и о том, что Южнорусская организация располагает собственным набором снарядов [4, с. 104; 5, с. 47–50; 8, с. 515; 13, л. 10, 12, 13, 15].

Таганрогская серия бомб. В связи с утратой 4 бомб из 11, у южных народовольцев возникли опасения потерять оставшиеся снаряды в ходе очередной полицейской акции, ввиду чего их следовало разделить. Примерно после 20 июня 1885 г. Оржих отправился к Петровскому в Новочеркасску и принял от него 4 новых снаряда. Данная партия была перемещена в Таганрог на хранение к А. А. Кулакову, с которым Оржих познакомился весной 1884 г. [9, с. 141–142; 10, с. 177; 11, с. 97–98; 14, л. 13; 16, л. 3 об., 10].

К октябрю 1885 г. бомбы переместили от Кулакова в новую нелегальную типографию. Предприятие располагалось в том же городе, в доме, который южане начали арендовать с 20 августа 1885 г. у вдовы поручика М. Степановой. Типографией завеловал А. С. Сигида и его жена Н. К. Сигида (Маласиано). Здесь же занимались печатью народовольцы У. Н. Федорова и Е. М. Тринитатская. Помощь предприятию оказывал А. А. Кулаков [10, с. 177; 14, л. 13–14; 16, л. 5, 10–10 об.].

Перед вводом в действие таганрогской типографии южане осмотрели дом и обнаружили, что в фундаменте имелись большие отверстия

(6 вершков в высоту и 12 в ширину (приблизительно 25 и 50 см соответственно), прикрытые деревянными заставками. Они предназначались для вентиляции пространства под полами и, как выяснилось, были достаточного размера, чтобы там уместился тайник. В течение ночи жестяная коробка из-под сахарных печений с расположенными в ней снарядами незаметно помещалась в одно из отверстий и прикрывалась чугунной плитой [8, с. 515; 10, с. 177; 11, с. 130; 14, л. 13 об.; 16, л. 6, 7].

В дальнейшем народовольцы сконцентрировались на подготовке к екатеринославскому съезду, намеченному на середину сентября 1885 г. После съезда все усилия были направлены на выпуск и распространение «Народной воли» № 11–12. Южнорусская организация приступила к пропагандистской подготовке, которая должна была стать фундаментом для будущего террора. Народовольцы не успели полноценно реализовать свои планы, так как уже 23 января 1886 г., благодаря информации, полученной от предателя А. Остроумова, жандармы смогли принять меры по задержанию А. Сигиды. Вместе с его арестом неожиданно была раскрыта таганрогская типография [5, с. 51–52, 55; 6, с. 48; 11, с. 170; 16, л. 1 об.]. Группа Оржиха всегда стремилась подходить к своей деятельности аккуратно и последовательно. Тем не менее известия о провале типографии заставили руководство южан ненадолго задуматься о применении силы. Впрочем, они в очередной раз сохранили верность программным установкам, утвержденным в ходе екатеринославского съезда, предписывающим в случае провала в первую очередь восстановить организацию и типографию, что позднее было реализовано в Туле в 1886 г. [6, с. 50–51; 17, с. 74].

Зимой 1886 г. последовала цепочка арестов и задержание лично Б. Д. Оржиха: жандармы смогли эффективно использовать показания предателя А. Остроумова и незашифрованную информацию, найденную в записной книжке С. Иванова. По причине возросшего риска дальнейших арестов оставшимся на свободе южанам пришлось на продолжительное время отказаться от любых видов деятельности [5, с. 45, 55; 6, с. 51; 14, л. 12–12 об.; 16, л. 7 об.–8].

До мая 1886 г. тайник оставался необнаруженным. После закрытия типографии в доме поселились супруги Польские. Однажды денщик главы семейства попытался достать из-под здания умершую от отравы собаку. Кочергой был случайно задет обернутый в бумагу подозрительный металлический ящик, в котором оказалось 4 снаряда. Жандармы соотнесли имевшиеся к тому времени факты и определили, что содержимое тайника относятся к 11 бомбам Южнорусской организации. Это открытие стало отягчающим обстоятельством при вынесении приговора таганрожцам. Впоследствии изъятый из снарядов

динамит был вывезен в Азовское море и взорван [5, с. 53–54, 56; 10, с. 177; 14, л. 13; 16, л. 6–6 об.].

Ситуация с хранением бомб под типографией могла остаться малопримечательной, но по этому вопросу существовали значительные разногласия между самими народовольцами. Б. Оржих утверждал, что о размещении опасного тайника под типографией знал только он и А. Сигида. Кулаков, напротив, подчеркивал, что о ситуации был осведомлен каждый без исключения работавший в доме, так как являлось недопустимым подвергать товарищей риску без их ведома [8, с. 500, 515; 9, с. 141–142; 10, с. 177–178; 11, с. 130; 16, л. 10 об.]. Известно, что на суде Б. Оржих стремился взять вину на себя, параллельно таганрожцы отрицали свою осведомленность о снарядах. Тем не менее власти проигнорировали эти доводы и приговорили к смертной казни всех участников таганрогской типографии, вменив им полную причастность к бомбам (впоследствии казнь была заменена каторгой) [7, с. 109, 114–115; 8, с. 517; 16, л. 6 об.–7 об., 13].

В. Г. Богораз обращает внимание на необычный факт: в те времена Оржих относился к «реальному террору» холодно и уже в тюрьме, когда было поздно, он «загорелся жаждою террористического убийства» [8, с. 507–508]. Этот подход можно расценить как попытку Оржиха отвести подозрения от остальных обвиняемых. Также нельзя утверждать, что о бомбах знали только двое, так как о тайнике был осведомлен по меньшей мере и Кулаков. Кроме того, уже в ссылке некоторые сопартийцы открыли, что с обстановкой была знакома в том числе и У. Н. Федорова [12, с. 299–300]. Степень осведомленности Е. М. Тринитатской и Н. К. Сигида остаются под вопросом. Таким образом, не только Оржих, но и как минимум три таганрожца из пяти наверняка осознавали, что хранится под типографией. В этой связи версия Кулакова представляется убедительной.

Новочеркасская серия бомб. Последние 3 бомбы продолжали безопасно храниться у Ефима Петровского. Однако 27 августа 1885 г. он был задержан по предписанию из столицы. По причине нехватки улик у жандармов вскоре Петровского отпустили без последствий. В связи с возникшей угрозой повторного задержания новочеркасские бомбы следовало переместить в другое место.

Петровский связался с А. И. Александриним, студентом Петербургского университета, который в это время посетил город. В свою очередь, А. Александрин на время принял бомбы, затем привлек к делу своего двоюродного брата В. В. Чернова, казачьего сотника. Чернов жил за городом на хуторе Власово-Аютинский, принадлежавшем его отцу. Предполагалось, что

в сельской глуши можно было безопасно спрятать снаряды. Петровский, Оржих, Александрин и Чернов познакомились друг с другом в течение мая 1885 г., т. е. задолго до перемещения данной партии бомб [11, с. 118–119; 14, л. 13–13 об.; 16, л. 2–3 об., 12 об.–13].

Чернов не являлся участником организации и не имел серьезных причин помогать народовольцам, кроме общих симпатий к революционному делу и желания оказать услугу А. И. Александрину как своему родственнику. Чернов и Александрин, по их признаниям, лично не сочувствовали террору, но пришли на помощь к южанам добровольно [11, с. 119; 16, л. 3, 13].

Чернову передали 3 бомбы и запалы с указанием хранить их в сухом месте. Один запал был также испорчен. Задолго до передачи бомб Чернову, Оржих и Петровский планировали испытать одну из них в действии. Они отправились за город, поднявшийся сильный ветер вздул не застегнутый пиджак Петровского, в одном из карманов которого оказался запал. Идентично случаю в поезде до Харькова, резкое воздействие и вероятное повреждение запала заставили его вспыхнуть. Неудачное стечение обстоятельств могло привести к гибели народовольцев [11, с. 118–119; 14, л. 13; 16, л. 2 об., 3 об., 13].

Вскоре снаряды были увезены Черновым на хутор. Петровский передал Оржиху пароль («Я приехал от Василия Степановича переговорить насчет мельницы») и сведения о местности, где будут храниться бомбы. По прибытии Чернов определил, что надежное место для тайника на хуторе отсутствует, поэтому он прибегнул к импровизации и временно спрятал бомбы в одной из скирд с сеном. Решение оказалось спорным, так как в ноябре 1885 г. было обнаружено, что эти бомбы внезапно исчезли [8, с. 500; 9, с. 142; 11, с. 119; 13, л. 16–16 об.; 14, л. 13; 16, л. 2, 3 об., 10].

Выяснилось, что в октябре 1885 г. (после Покрова) арендатор мельницы семьи Черновых Я. Гладышев и его сын выбирали солому из скирд, в одной из которых оказался мешок с чем-то тяжелым. Гладышев и его друг А. Склизкий ночью перенесли мешок на мельницу и решили изучить его содержимое, но поняв, с чем имеют дело, поспешили избавиться от находки. Сын Гладышева рассказал о случае своей матери, которая затем сбросила мешок в пруд рядом с мельницей. Среди южан ситуация встретила обоснованное непонимание, так как Чернов согласился оказать помощь, но не смог обеспечить надлежащего хранения бомб. Извлечь мешок из пруда оказалось невозможным, ввиду чего никаких действий не предпринималось [5, с. 55; 8, с. 500; 9, с. 142; 11, с. 119; 14, л. 13; 16, л. 2–2 об.].

История новочеркасской партии бомб продолжилась 28 января 1886 г., когда был арестован

Е. И. Петровский, на которого указал предатель А. Остроумов. Пятью днями ранее жандармы ликвидировали таганрогскую типографию также по вине Остроумова. Власти выяснили, что Петровский имеет прямое отношение к хранению бомб. Задержанный отказался давать показания и ограничился общими комментариями, которые жандармы не могли использовать никаким образом. Тем не менее были задействованы агентурные методы, в результате чего вскоре арестовали В. Чернова. 27 февраля был подвержен обыску А. Александрин. Постепенно жандармы смогли выйти на семью Гладышевых, проживавших на хуторе. 4 марта вода из пруда была спущена, все три бомбы найдены: их компоненты частью отсырели, но по-прежнему сохраняли свою действенность [5, с. 54–56; 9, с. 141–142; 16, л. 1 об.–3, 13]. Показания Остроумова, поимка Петровского и дальнейшее дознание позволило жандармам окончательно удостовериться в подлинном количестве и принадлежности бомб. Как известно, уже в мае 1886 г. найдены последние снаряды из таганрогской серии. Вопрос о потенциальном терроре в Южнорусской организации был закрыт.

Таким образом, Южнорусская организация в течение года лишилась собственного запаса бомб. Материальная база Луганска оказалась потерянной в начале 1885 г. Единственный оставшийся на свободе компетентный инженер в лице Л. Ясевича эмигрировал. Что не менее важно, на его моральном состоянии предельно негативно отразился сложный межличностный конфликт, возникший в период екатеринославского съезда в сентябре 1885 г., заключавшийся в неуместных попытках одного из делегатов (Ф. В. Крылова) произвести впечатление на В. И. Бородаевскую – невесту Ясевича [11, с. 121, 126]. Перечисленные факторы сделали невозможным создание новых снарядов.

Временный отказ от применения бомб в обозримой перспективе вызван расхождением ожиданий и реальности. Ослабленные после уничтожения лопатинской организации южнорусские народовольцы в первую очередь нуждались в восстановлении сил, привлечении новых лиц взамен арестованных и пополнении своего бюджета, что стало наиболее очевидно к моменту проведения екатеринославского съезда. На начальном этапе обозначенных целей можно было достичь только при помощи организационной деятельности и пропаганды. Б. Д. Оржих согласился, что необходимый террор мог ускорить арест самих южан, поэтому к нему планировалось вернуться после базовой подготовки [11, с. 124, 126]. Можно прийти к выводу, что южнорусские бомбы были созданы преждевременно. С другой стороны, расчет южан оказался точным: скоро доступ к луганским ресурсам действительно оказался потерян.

Не в последнюю очередь на ситуацию влияло отсутствие серьезных целей для бомб. Единственный шанс использовать снаряды был упущен, когда Оржих и Антонов приняли решение пощадить министра Д. А. Толстого. Сложно утверждать, насколько план ликвидации был осуществим в реальности, но важно учесть, что отказ от него не являлся исключительно актом милосердия: Оржих вспоминал, что убийство душевнобольного могло нанести ощутимый репутационный удар по «Народной воле» [11, с. 100]. Не исключено, что решение дополнял определенный личный мотив, который не являлся главенствующим, но мог иметь место. Отец Б. Д. Оржиха также в свое время пострадал от душевной болезни, из-за чего вся семья с большим финансовым ущербом была вынуждена в спешке покинуть родные места и переехать на Юг России, где работали компетентные врачи [11, с. 83–84].

Непосредственно бомбы не оказались причиной провала Южнорусской организации, превратившись в не более чем отягчающее обстоятельство при вынесении приговора группе. Жандармы главным образом искали самих южан, и только затем в связи с арестами открывались подпольные типографии и тайники. В свою очередь, основными причинами задержаний являлись прямые показания предателей из состава «Народной воли» и компрометирующая информация, найденная в неаккуратно ведущихся личных записях вышестоящих сопартийцев (в данном случае – С. А. Иванова). Жандармы использовали каждое доступное им средство, в том числе агентурные методы. Тем не менее таганрогский тайник был обнаружен при случайных обстоятельствах. Стойкость революционеров на допросах и отсутствие осведомленности о таганрогских бомбах среди предателей и соседних южнорусских групп позволили отсрочить обнаружение тайника. Оставшиеся две серии бомб из Харькова и Новочеркасска были найдены на фоне арестов по упомянутым причинам.

Отсутствие террористических актов за всю историю Южнорусской организации партии «Народная воля» стало совокупностью условий объективного характера. Необходимость в укреплении сил никогда не подразумевала отказ от террора как такового, но повлияла на его отсрочку. Именно в этот период жандармы инициировали серию арестов, результатом которых стали значительные потери личного состава и материального имущества группы Оржиха, в том числе снарядов, запас которых не удалось восполнить. Эти события не позволили превратить обычный набор боевого снаряжения в практическое воплощение идеи террора, к которому южане, как убежденные народовольцы, всегда стремились.

Список литературы

1. Литература партии «Народная воля» / под ред. А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, М. И. Дрея, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова, В. В. Леоновича-Ангарского. М. : Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. 336 с.
2. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) / отв. ред. Б. С. Итенберг. М. : РОССПЭН, 2000. 399 с.
3. Морозов Н. А. Террористическая борьба // Да здравствует «Народная воля»! Исторический сборник. Paris : [б. и.], 1907. № 1 (Незаконное издание, первый и единственный сборник). С. 17–29.
4. Валк С. П. Л. Антонов в Петропавловской крепости // Красный архив : в 106 т. / под ред. В. Адоратского, В. Максаква, М. Покровского, В. Фриче. 1928. Т. 6 (31). С. 103–113.
5. Кантор Р. М. Ликвидация народофильских организаций на Юге в 1886 году (Доклады графа Д. А. Толстого Александру III) // Пути революции : в 8 кн. Харьков : Пролетарий, 1926. Кн. 4 (7). С. 44–63.
6. Новополин Г. Последние усилия // Пути революции. 1926. Кн. 2–3 (5–6). С. 44–61.
7. Богораз В. Г. Повести прошлой жизни // Русское богатство. 1907. № 9. С. 107–131.
8. 1925–1926 гг. В. Г. Богораз-Тан. Из автобиографии // Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли». Споры о тактике : сборник документов / отв. ред. В. Н. Гинев. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2012. С. 479–528.
9. Кулаков А. А. «Народная Воля» на юге в половине 80-х гг. // Народовольцы после 1 марта 1881 г. / под ред. А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова, В. В. Леоновича-Ангарского. М. : Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. С. 140–144.
10. Кулаков А. А. Дополнения к воспоминаниям Б. Д. Оржиха // Народовольцы : в 3 сборниках / под ред. А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, М. И. Дрея, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова, В. В. Леоновича-Ангарского. Сборник третий. М. : Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. С. 177–182.
11. Оржих Б. Д. В рядах «Народной воли» (воспоминания) // Народовольцы. Сборник третий. М. : Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. С. 75–172.
12. Поляков М. Образы Минувшего (Сигида, Грабовский, Данилов) // Каторга и ссылка. 1924. № 5 (12). С. 297–306.
13. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел). Оп. 252. Д. 6.
14. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 252. Д. 7.
15. ГАРФ. Ф. 112 (Особое присутствие Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообщества). Оп. 1. Д. 625.
16. ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 881.
17. Богораз В. Г. Борьба общественных сил в России. Типография Народной Воли, 1886. 86 с.
18. Штернберг Л. Я. Политический террор в России 1884 // Лавров: Годы эмиграции. Архивные материалы : в 2 т. Т. 2 : «От «Вперед!» к группе старых народофильцев» / отобрал, снабдил примеч. и вступ. очерком Б. Сапир. Dordrecht ; Boston : D. Riedel Publishing Company, 1974. С. 572–594.
19. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1744 (Коллекция воспоминаний народофильцев). Оп. 1. Д. 44.

Поступила в редакцию 01.06.2023; одобрена после рецензирования 11.06.2023; принята к публикации 10.11.2023

The article was submitted 01.06.2023; approved after reviewing 11.06.2023; accepted for publication 10.11.2023